

Право и политика

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-3

Тенденции трансформации современного права под влиянием нового этапа научно-технического прогресса

Ирина Анатольевна УМНОВА-КОНЮХОВА

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, отдел правоведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация; руководитель научного направления конституционно-правовых исследований, Центр исследований проблем правосудия

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (РГУП), 117418, Новочерёмушкинская ул., д. 69, Москва, Российская Федерация;

профессор, кафедра земельного и экологического права

Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация;

профессор, кафедра конституционного и административного права, Юридический институт

Севастопольский государственный университет, 299053, ул. Университетская, д. 33, Севастополь, Российская Федерация

E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6400-851X

ЦИТИРОВАНИЕ: Умнова-Конюхова И.А. (2021). Тенденции трансформации современного права под влиянием нового этапа научно-технического прогресса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 40–57. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-3

Статья поступила в редакцию 26.04.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются тенденции трансформации современного права под влиянием технологического прорыва как нового этапа научно-технического прогресса. Выделяются генеральные тенденции глобализации и дифференциации права, рассматриваются последствия этих тенденций, выразившиеся в росте числа ком-

плексных отраслей права, сочетающих публичные и частные интересы. В целях систематизации обозначены три основные формы глобализации в праве: универсализация, интернационализация и интеграция. Анализ эволюции системы права в историческом измерении позволяет выделить три этапа дифференциации современного права. На первом

этапе дифференциация права в XX веке выразилась преимущественно в дроблении традиционных отраслей права. Для второго этапа дифференциации права на рубеже XX и XXI вв. характерно интенсивное формирование комплексных смешанных отраслей права, объединяющих институты публичного и частного права для определенных целей правового регулирования. На третьем, современном этапе на стыке первого и второго десятилетий XXI в. под влиянием научно-технического прогресса происходит не только дальнейшая диверсификация и интеграция традиционных и новых комплексных отраслей права, но и формируется группа функционально-инструментальных отраслей права, которые определяют социально-правовые технологии регулирования, реализации и развития права, являются по своей функциональной значимости служебным, вспомогательным правом (например, коллизионное, медиационное, цифровое право).

Автором выдвигается концепция и раскрывается система отраслей права нового поколения как высшей формы эволюции комплексных отраслей права, обосновывается их особая природа и значимость в системе права, проводится систематизация отраслей права нового поколения с учетом степени их развития в правовой доктрине и в практике.

Отдельное внимание уделяется цифровому праву и биоправу, наиболее ярко свидетельствующим о влиянии научно-технического прогресса на право, а также обнажающим проблему необходимости более тесного взаимодействия принципов и норм права и этики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современное право, трансформация, научно-технический прогресс, тенденции развития права, глобализация права, дифференциация права, отрасли права нового поколения, цифровое право, биоправо, этика.

Введение

В XX в. предсказывалось, что такие тенденции развития цивилизации как технократизация, капитализация или коммунизация (коммунистический интернационализм) «сметут» государство, право и конституцию в их традиционном понимании. К началу XXI столетия этого не произошло, право остается главным регулятором общественных отношений, но в то же время есть основания говорить о том, что оно подвергается заметной трансформации.

Уже на рубеже XX–XXI столетий под влиянием глубинных изменений, в том числе нового этапа научно-технического прогресса, открылись уникальные процессы конвергенции подсистем права, их переформатирования и преобразования в виде новых правовых комплексов, набрали беспрецедентные обороты тенденции глобализации и дифференциации права (правовой дисперсии). Научно-технический прогресс начала XXI в., обозначив новые направления технологического прорыва – информационные цифровые технологии, биотехнологии, нанотехнологии и пр., вступил в этап научно-технологической революции, преобразующей количественные показатели в новое качество жизни. Данные изменения не могли не затронуть право, что особенно ярко просматривается при анализе тенденций его развития.

Генеральные тенденции развития права как отражение научно-технического прогресса

Приспособление права к новому ритму непрерывного ускорения и обновления развития под влиянием научно-технического прогресса прежде всего проявилось в интенсификации генеральных тенденций правового раз-

вития – *глобализации и дифференциации права*. Новые технологии передачи и обмена информацией, правового мониторинга и контроля за человеческой жизнедеятельностью не только расширяют объекты правового воздействия, но и по-новому структурируют сам процесс создания и реализации права, усиливая бинарность интегративных и дисперсных свойств права.

В современную эпоху глобализация права проявила себя как высшая стадия правовой интеграции. Как известно, концепция глобализации была выдвинута в XX в. для обоснования транснационального развития во всех сферах человеческой жизнедеятельности [Robertson, 1992, pp. 1–8; 182–189]. Сегодня термин «глобализация», несмотря на разное его понимание и спорность концепций, его обосновывающих [Berman, 2012; Galan, Patterson, 2013], прочно вошел в научный и практический лексикон.

В правовом контексте глобализация рассматривается как системная, многоаспектная и разноуровневая интеграция различных существующих в мире государственно-правовых, экономико-финансовых и общественно-политических институтов, идей, принципов, связей, морально-политических, материальных и иных ценностей, разнообразных отношений.

Если рассматривать глобализацию права как процесс развития, то можно выделить три основные его формы воплощения в праве: *универсализация, интернационализация (транснационализация) и интеграция*. *Универсализация права* – это обобщение правовых понятий и подходов к правовому регулированию, их унификация, формирование правовых стандартов. *Интернационализация права* – распространение права вовне, выход его за рамки правовой системы одной страны. *Интеграция права* – это объединение или взаимопрото-

никновение правовых систем, культур и отраслей права, вторичным продуктом которых становятся новые правовые комплексы [Умнова (Конюхова), 2017].

В истории человечества первым масштабным этапом глобализации права в форме универсализации и интернационализации явилась рецепция римского права. В XVIII–XIX вв. принципы либеральной демократии постепенно расширили свое трансграничное влияние и с середины прошлого столетия трансформировались в общие принципы и нормы международного права. В XX столетии была предпринята попытка глобализации социалистического права. Наконец, современный этап глобализации права связан с переоценкой приоритетов правового регулирования и модернизацией все более тесно взаимодействующих международной и национальных правовых систем в условиях выдвижения амбициозных целей развития, с одной стороны, и возрастания угроз и вызовов человечеству – с другой. Нынешний этап проявляется в масштабном *усилении универсализации и интернационализации* всех видов жизнедеятельности. Одним из способов приспособления права к новым условиям развития является также расширение третьей формы его глобализации – *интеграции*. Данные процессы, облегчая решение актуальных задач правового регулирования путем комплексирования и кооперации, в то же время влекут за собой усложнение права, создают риск коллизий и конфликтов в праве.

Противоположная глобализации тенденция – *дифференциация права* – выражает глубокую потребность в дальнейшей фрагментации (сегментации) в целях повышения уровня специализации, профессионализации, прагматизма и инструментального воздействия правовых регуляторов. Эта тенденция обусловлена усилением прикладной роли права, и под влиянием научно-технического прогрес-

са она получает беспрецедентное развитие в современный период. В научно-технологическом понимании право – это такой инструмент решения общественных проблем, который можно измерять в показателях эффективности, рациональности, оптимальности, пропорциональности, конгруэнтности и пр.

Для более четкого понимания логики фрагментации права представляется важным выделить *уровни его дифференциации*. Право можно структурировать как минимум на четырех уровнях: мегаструктура, отраслевая, подотраслевая и институциональная структуры. Мегаструктура права – это разделение права на публичное и частное право, международное и национальное право. Отраслевая структура раскрывает ключевые элементы системы права – отрасли права, а подотраслевая – соответственно подотрасли. Институциональная структура самая динамичная и представлена набором постоянно развивающихся институтов конкретной отрасли права.

Дифференциация, осуществляемая на каждом из уровней, одновременно выходит на перекрестное структурирование, что выражается в создании частно-публичных или публично-частных правовых комплексов, в конвергенции международного публичного и национального конституционного права, в межотраслевой и межинституциональной структуризации и реструктуризации.

Феномен комплексных отраслей привлекает все большее внимание теоретиков права. В частности, М.Н. Марченко пишет о формировании вторичных комплексных правовых форм, ссылаясь, в свою очередь, на идею комплексных отраслей, высказанную ранее В.К. Рейхером [Рейхер, 1947, с. 186–196]. К комплексным отраслям в прошлом столетии были отнесены право природопользования, сельскохозяйственное (аграрное) право, хозяйственное право, земельное право, уголовно-исполнительное право и др.

С конца XX – начала XXI в. заметно выросло число авторов, выделяющих новые отрасли права [Азми, 2016, с. 14]. Обобщая разные точки зрения, можно констатировать, что наряду с устоявшимися критериями идентификации отрасли права (предмет и метод правового регулирования, наличие кодифицированного или специального источника отрасли права) предлагаются новые идентификаторы – высокая значимость регулируемых отношений и интенсивное развитие соответствующей отрасли законодательства. Думается, что к этим критериям можно было бы также добавить способность к высокому уровню интеграции и дальнейшей дифференциации на институты и подотрасли права.

Эволюция системы права в историческом измерении позволяет выделить этапы дифференциации современного права.

На первом этапе дифференциации права в XX в. дисперсия права была обусловлена диверсификацией и возникновением новых экологических, информационных, миграционных и других видов общественных отношений как предмета правового регулирования. Дифференциация преимущественно выразилась в дроблении традиционных отраслей права.

С международно-правовым и конституционным формированием систем новых экономических, социальных, духовно-культурных прав и свобод, с расширением их правового регулирования произошло отделение от гражданского права таких специальных комплексных отраслей права, как трудовое, семейное, жилищное, сельскохозяйственное, земельное право, право социального обеспечения и др. Интенсивное развитие финансового оборота способствовало формированию комплексной отрасли финансового права. Наряду с развитием норм материаль-

ного права выросло число процессуальных норм права. В частности, из уголовного права выделилось уголовное-исполнительное право.

На втором этапе, на рубеже XX и XXI вв., дифференциация права проявилась в дальнейшем комплексировании большинства основных и новообразованных отраслей права. В системе публичного права от конституционного (государственного) права отделилось муниципальное право, а в рамках научной доктрины стали выдвигаться идеи формирования парламентского, президентского, судебного, избирательного, правозащитного и других отраслей права. Дисперсия финансового права выразилась в формировании дочерних комплексных отраслей права или правовых комплексов – налогового, бюджетного, банковского, инвестиционного права. В результате дальнейшего развития гражданского права из этой отрасли выделились предпринимательское, корпоративное, хозяйственное, торговое (коммерческое), конкурентное, интеллектуальное право (право интеллектуальной собственности) и др.

Для данного периода характерно интенсивное формирование смешанных отраслей права, обслуживающих одновременно публичные и частные интересы. Так, на стыке конституционного, гражданского и административного права сформировались транспортное, образовательное, медицинское, энергетическое, строительное, таможенное, спортивное, правоохранительное, правозащитное право и многие другие новые правовые комплексы или отрасли права, производные от фундаментальных отраслей права.

Под влиянием научно-технического прогресса и повышения значимости информационных отношений получило признание информационное право. В связи с актуализацией проблем охраны окружающей среды и рациональ-

ного природопользования, появления новых институтов экологических прав и экологической безопасности окончательно сформировалось экологическое право, а природоохранное право стало его подотраслью. Под воздействием роста миграционных потоков и нелегальной миграции появилась необходимость в институционализации миграционного права. Глобализирующиеся угрозы и вызовы безопасности (рост международного терроризма, транснациональной преступности, пиратства и пр.) предопределили появление права безопасности.

Изначально многие комплексные отрасли права создавались через обоснование их теорий и доктрин, введение в качестве учебных дисциплин, лишь затем их идентификация как отрасли права начинала признаваться в юридической науке и практике.

На втором этапе возросло число бинарных отраслей права, основанных на дихотомии материальных и процессуальных норм: конституционное право и конституционное процессуальное право; административное и административно-процессуальное право, судебное и судебно-процессуальное право.

На третьем, современном этапе – на стыке первого и второго десятилетий XXI в. под влиянием научно-технического прогресса произошла не только дальнейшая диверсификация и интеграция традиционных и новых комплексных отраслей права (например, из медицинского права выделилось био-право, из информационного права – интернет- (сетевое) право и пр.), но и появилась группа функционально-инструментальных отраслей права, которые определяют социально-правовые технологии регулирования, реализации и развития права, являются служебным, вспомогательным правом, обслуживающим другие отрасли права. Примером таких отраслей, на мой

взгляд, являются коллизионное право [Тихомиров, 2000; Стародубцева, 2016], медиационное право [Zehr, 1990; Влащенко, Чернышева, 2012; Ситдикова, Шиловская, 2017], цифровое право [Талпина, 2018; Дорская, 2019].

Каждая из сформированных комплексных отраслей права дифференцируется в свою очередь на институты права, которые имеют склонность становиться мегаинститутами и подотраслями в связи со значительным увеличением нормативного массива. В частности, наблюдается комплексирование правовых институтов образовательного права в подотрасли, имеющие тенденцию к дальнейшему обособлению. Не случайно в ряде зарубежных стран уже появились университетское и школьное право [Козырин, Трошкина, 2016].

Под влиянием научно-технического прогресса необычайно расширился круг институтов и подотраслей транспортного права: морское транспортное право, внутреннее водное (речное), железнодорожное, автомобильное (автотранспортное), воздушное, трубопроводное, космическое транспортное право. По причине сложной правовой конструкции транспортное право тесно переплетается с другими отраслями национального и международного права – морское право, космическое право, водное право и др. Это объясняет тот факт, что на начальной стадии соприкосновения с транспортным правом нередко возникают вопросы, связанные с отсутствием четкой ее структуризации [Спириин, 2006].

Объективно обусловленную дифференциацию права следует отличать от дифференциации как проявления правового хаоса. Высокая степень изменчивости права, чрезмерность правового регулирования способны создать правовой хаос. К примеру, для законодательства в современной России характерно не просто увлечение количеством принятия мелких законов и иных норма-

тивных правовых актов. Частота вносимых изменений беспрецедентна. Например, с момента принятия в действующие Гражданско-процессуальный кодекс РФ было внесено более 100 изменений, в Гражданский кодекс РФ – более 120, в Уголовный кодекс РФ – около 300, в Уголовно-процессуальный кодекс РФ – свыше 320, в КоАП РФ – свыше 600 поправок. Очевидно, что столь громоздкое нагромождение законодательных новелл – это не только результат учета объективных потребностей развития, но и недопонимание субъектами правотворчества технико-юридических требований к обеспечению баланса между гибкостью и стабильностью в правовом регулировании. Результатом нарушения такого баланса являются многочисленные правовые коллизии и противоречия, чрезмерное дублирование, обилие декларативных положений, правил-однодневок, определяемых конъюнктурой, а не реальными запросами на правотворчество. Идеальный вариант устранения такой практики видится в разработке концепций и стратегий развития права на всех плоскостях его функционирования: в международном универсальном и региональном праве, на общенациональном, государственно-территориальном (административно-территориальном) и муниципальном уровнях правового пространства каждой страны.

Отрасли права нового поколения как высшая форма эволюции комплексных отраслей права в условиях научно-технического прогресса

Современное право проходит не просто очередной этап эволюции, происходит образование систем нового типа, внутри которых интенсивно формируются особые правовые комплексы, с одной стороны, как ответ угрозам

и вызовам человечеству, а с другой – как реакция на потребности правового регулирования, вызванные воздействием на нашу жизнь новых технологий и иных факторов развития. Данные правовые комплексы – *интегрированные, глобальные отрасли права*, которые относятся, по мнению автора, к *новому поколению отраслей права*, тесно взаимодействующих, прежде всего, с национальным конституционным и международным публичным правом [Умнова (Конюхова), 2016, с. 6–16].

По своей сущности данные отрасли являются *элементами права новых типов – права выживания и права развития* [Умнова, 2011, с. 9–19]. Они формируются для обеспечения устойчивого и эффективного развития в условиях радикального изменения технологий и качества жизни, в целях противодействия угрозам и вызовам человечеству. Объект защиты составляют высшие ценности человека – жизнь, общее благо, физическое и духовное здоровье человека, мир, безопасность, окружающая природная среда, стабильные экономические и социальные отношения, справедливость и другие. Данные отрасли права являются высшей формой эволюции комплексных отраслей права и склонны к наиболее высокой степени интеграции и дифференциации.

Отличительные признаки данных отраслей права:

- одновременно охватывают нормы международного права и национального права;
- выделяются особой значимостью регулируемых отношений и предназначены для противодействия глобальным вызовам и угрозам человечеству или для обеспечения реализации глобальных целей развития;
- им присуща бинарность публичных и частных интересов при очевидном доминировании публичной значимости правовых принципов и норм;

- защищают не только традиционных субъектов публичного права (человек, государство, нация, народ и пр.), но и глобальные общности: человечество, настоящие и будущие поколения, которые являются одновременно объектами права;
- обеспечивают новые или модифицированные функции государства: экологическую, информационную, миграционную, цифровую, медиационную, инвестиционную, прогностическую и другие, возникшие под влиянием потребностей выживания и развития.

Можно выделить *три группы отраслей права нового поколения*:

1) сформировавшиеся, общепризнанные отрасли права (экологическое право, информационное право, право прав человека (гуманитарное право в широком значении), образовательное право, медицинское право, миграционное право и др.),

2) интенсивно формирующиеся отрасли права (право мира, право безопасности, право устойчивого развития, антитеррористическое право, энергетическое право и др.),

3) обозначившие общие контуры своего развития на уровне научной доктрины и тяготеющие к дальнейшей выработке единых стандартов отрасли права (например, экономическое право, социальное право, биоправо, медиационное право, коллизионное право, цифровое право, футуристическое право и др.).

Первая группа – это признанные в качестве самостоятельных отрасли права. Их структура представляет собой широкую систему непрерывно развивающихся, но устойчивых институтов. Национальные отрасли права данной группы в качестве основного источника имеют специальные кодифицированные законы (например, экологические кодексы

или обычные экологические законы, законы об информации, законы о здравоохранении, об образовании и т.д.).

Вторая группа отраслей права нового поколения находится еще на стадии признания. Их интегрированный характер активно обсуждается в науке, в то время как нормативная база не достигла необходимого уровня систематизации. Вместе с тем в рамках таких отраслей права (например, право мира) уже обозначились институты, обеспечиваемые нормативной базой и соответствующими механизмами реализации [Умнова, 2011, с. 12–25].

Третья группа отраслей права нового поколения отличается недостаточно разработанными концептуальной и нормативно-правовой основами, в то время как потребность в таких отраслях права растет с каждым годом.

В частности, все большее число ученых предлагают признать существование таких интегрированных мегаотраслей права, как экономическое право и социальное право.

Уже довольно длительное время экономическое право называют мегаотраслью права [Ашмарина, Ручкина, 2012, с. 57–65]. Современное экономическое право рассматривается как правовой комплекс, формируемый для противодействия глобальным экономическим кризисам и отражения потребностей в экономической функции государства [Бобылев, 2010, с. 14]. Аналогичным образом в правоведении на фоне расширения социальной функции государства все активнее ставится вопрос о формировании социального права. В ряде государств романо-германской правовой системы оно уже сформировалось и отличается устоявшейся судебной правоприменительной практикой. К примеру, в Германии созданы социальные суды, которые рассматривают все основные вопросы социальной деятельности государства (социальное страхование,

социальные услуги, социальное обеспечение) [Юнусов, 2009, с. 230].

Среди функционально-инструментальных отраслей права значительный интерес в отечественной правовой литературе вызывает коллизионное право. Коллизионное право рассматривается как отрасль права, направленная на достижение согласованного функционирования правовой системы, на предотвращение и устранение внутрисистемных противоречий [Стародубцева, 2016, с. 12]. По мере усложнения задач и сфер правового регулирования возрастает значимость правил и процедур устранения противоречий, формирования механизмов предотвращения юридических коллизий. В частности, речь идет о системном урегулировании материальными и процессуальными нормами всех стадий юридического конфликта: от возникновения коллизионной ситуации до ее устранения. На данном этапе в Российской Федерации уже сформировались конституционные основы коллизионного права. В свое время еще Ю.А. Тихомиров обратил внимание на то, что конституционная формула «федеральное коллизионное право» как предмет ведения Российской Федерации (п. «п» ст. 71 Конституции РФ) является юридическим ориентиром и стимулом для формирования такой отрасли [Тихомиров, 2000, с. 35].

Усложнение и беспрецедентное масштабирование человеческой жизнедеятельности, столкновение с глобальными проблемами выживания и развития обуславливает необходимость выдвижения на современном этапе концепции *футуристического права*. Под футуристическим правом я предлагаю понимать функционально-инструментальную отрасль права, где основным объектом регулирования выступают общественные отношения по выявлению тенденций и перспектив, осуществлению прогноза, разработке концепций, стратегий и док-

трин, а также институциональных механизмов развития права [Умнова-Конюхова, 2021, с. 83]. Главная функция данной отрасли права – прогностическая, реализуемая посредством специальных методов прогнозирования, моделирования, определения сценариев развития и др. способов выявления будущего с использованием современных научных технологий. Ключевой элемент футуристического права – конституционное футуристическое право как новый межотраслевой институт, синтезирующий футуристическое право и конституционное право [Умнова-Конюхова, 2018, с. 33] уже сейчас интенсивно формируется в контексте постановки задач современных конституционных реформ и конституционных преобразований.

Среди третьей группы отраслей права нового поколения представляется важным обратить особое внимание на *цифровое право и биоправо*. Именно эти новые отрасли права в наибольшей степени отражают влияние научно-технического прогресса, который во второй половине XX – начале XXI в. обозначил два наиболее заметных направления технологического прорыва – информационные цифровые технологии и биотехнологии. Расширение влияния этих технологий на общественные отношения обусловило интенсивное формирование цифрового права и биологического права как новых правовых комплексов, а в перспективе – отраслей права нового поколения.

Особенность цифрового права состоит в том, что его *первичные элементы – это не только традиционные принципы и нормы права, но и технические нормативы – алгоритмы и цифровые коды*. Возникающая связь между технологиями и правом предполагает овладение юристами цифровыми знаниями и умение ими правильно формировать так называемые гибридные технико-правовые нормативы.

Предметом цифрового права являются отношения, возникающие по поводу создания, передачи и использования цифровой информации. Особенность таких отношений состоит в том, что им присущ *операционный характер*: разработка цифровой модели; создание цифровых товаров и услуг; автоматизированный сбор, хранение и обработка цифровой информации; внедрение цифрового проектирования и др. Еще одной особенностью регулируемых цифровым правом отношений является *сочетание материального и виртуального пространства*, то есть моделирование виртуальной модели поведения, виртуального образа, так называемой виртуальной реальности. Специфика цифрового права проявляется также в круге субъектов правоотношений. *Основные субъекты цифрового права* – это компании и фирмы, юридические и физические лица по внедрению и оказанию цифровых услуг. В праве появились такие новые понятия, как «владелец информационного ресурса», «владелец аудиовизуального сервиса», «провайдер хостинга», «оператор связи» или «оператор поисковой системы», «посредник или организатор распространения информации в сети Интернет», «правообладатель цифровой информации» и др.

Некоторые исследователи считают, что субъектами цифровых отношений оказываются *не только идентифицированные личности, но и так называемые виртуальные или цифровые «личности»-роботы* [Талапина, 2018, с. 17; Хабриева, 2018, с. 12; Зорькин, 2020, с. 7–19]. В реальной жизни уже возникли прецеденты формирования правового статуса так называемой электронной личности. В 2016 г. Европарламентом был представлен свод правил, согласно которому роботы с искусственным интеллектом получают статус «электронной личности» и наделяются

определенными правами и обязанностями. Саудовская Аравия стала первой в истории человечества страной, «предоставившей» в 2017 г. антропоморфному роботу «Софии» гражданство. Правда, скорее, это выглядело рекламой компании *Hanson Robotics*, создавшей данного робота и представившей «Софию» на панельной дискуссии во время конференции *Future Investment Initiative*. Эксперты тут же задались вопросами, будут ли у «Софии» те же права, что и у обычных граждан страны, или Саудовская Аравия разработает особую систему правил, касающихся роботов¹.

Сегодня предстоит четко обозначить пределы виртуальности лица для правовой среды. Полагаю, что, во-первых, не может быть субъектом права лицо, не связанное с юридически значимой идентификацией в цифровом виртуальном пространстве и потому не способное нести правовую ответственность. У государства не может быть отношений, обязательств с лицом, которое не идентифицировало себя как личность, оно не может гарантировать человеку права и свободы или привлечь к ответственности того, кто за «никнеймом» скрывает свои реальные персональные данные. Во-вторых, у государства не может быть правовых отношений с роботом или искусственным интеллектом. В реальности оно выстраивает правовые связи с тем лицом или лицами (коллективом), которые оперируют данным роботом (искусственным интеллектом) в виртуальном пространстве в определенных целях.

Таким образом, в рамках институтов цифрового права предстоит дать ответы на вопросы об объектах и субъектах правового цифрового простран-

ства, о видах и режиме цифровых прав, о пределах цифровизации и процессах развития традиционных отраслей права, о недопустимости поглощения принципов и норм права цифровым двойником или скрытыми алгоритмами и другие вопросы. Для достижения задач совершенствования правового регулирования цифровых отношений необходимы не только особая нормативно-правовая и технико-юридическая основа цифрового права, но и подготовка поколения правоведов, владеющих необходимыми знаниями о цифровых технологиях.

Другая интенсивно формирующаяся под влиянием научно-технического прогресса отрасль права нового поколения – *биоправо*. Как ответ на стремительное внедрение в человеческую жизнь достижений биотехнологии биоправо призвано комплексно учитывать преимущества и проблемные аспекты, связанные с воздействием новых технологий на человеческий организм, способных коренным образом изменить человека как физического индивида. В частности, последствия редактирования генов, клонирования, суррогатного материнства, трансплантационной медицины, операций по смене пола и прочих вмешательств в естественную природу человека не до конца исследованы и создают угрозу физическому и психическому здоровью человека, способны нанести непоправимый вред духовным, социальным и нравственно-этическим устоям человека, семьи, общества, государства и человечества в целом.

Главное предназначение биоправа как отрасли права нового поколения, как представляется, должно проявляться в противодействии тенденции массового, масштабного измене-

1 Кудрявцев Н. (2017). Человекоподобный робот получил гражданство Саудовской Аравии // Популярная механика. 27 октября 2017 // <https://www.popmech.ru/technologies/news-393732-chelovekopodobnyy-robot-poluchil-grazhdanstvo-saudovskoy-aravii>, дата обращения 25.05.2021.

ния природы человека, его уникальных естественных качеств с помощью использования достижений биотехнологии. Отсюда объектом защиты, осуществляемой данной отраслью права, является не только человек, его физическое и духовное здоровье, но и человечество в целом, настоящие и будущие поколения.

Еще одна существенная характеристика биоправа как отрасли права нового поколения состоит в обеспечении новой – биологической функции государства. Ее цель – биозащита человека с помощью установления медицинских, биологических, социальных и иных правовых и одновременно нравственно-этических возможностей и границ удовлетворения потребностей человека в использовании достижений биотехнологии.

Особенностью цифрового права и биоправа является глубокая обусловленность их принципов и норм требованиями этики. Это объясняется тем, что внедрение цифро- и биотехнологий, а также их взаимосвязанное развитие имеет не только положительные, но и отрицательные последствия. Отсутствие необходимых правовых регуляторов и действенных механизмов контроля за внедрением и применением новых технологий создало благоприятную почву для злоупотребления этими технологиями, нанесения вреда человеку и обществу на глубинном уровне существования человека как такового (human being), то есть его геному, интеллекту, душе, психике и т.п. Использование в жизнедеятельности человека интенсивно развивающихся биомедицинских технологий оказывает существенное влияние на отклонение человека от траекторий, заданных естественной природой. В научной литературе отмечаются не только позитивные стороны применения технологий в таких областях, как синтетическая биология, геномная медицина и генная инже-

нерия, но и высказываются серьезные опасения их развития без ясно определенных этико-правовых границ [Miller, Selgelid, 2007; Rogers, de Bousingen, 1995; Evans, 2012; Joas, 2013].

Особенно резонансными являются дискуссии о допустимости применения инноваций, влекущих изменения в человеческом организме, которые могут оказывать влияние на человеческое развитие и природу человека в целом, а соответственно, касаются судьбы будущих поколений [Nordberg et al., 2018, pp. 35–83; Ashcroft, 2010; Ashcroft, 2018, p. 72]. Вышеназванные проблемы напрямую выходят на вопросы этики человеческой жизни и общественной нравственности, на сохранение гуманистической направленности содержания прав человека. В определенной мере можно утверждать, что на современном этапе уже положено начало учета биоправом требований биоэтики, а цифровым правом – императивов цифровой этики. Но данные тенденции конвергенции права и этики находятся еще в зачаточном состоянии. Создатели и пользователи цифровыми и биотехнологическими ресурсами не только не придерживаются, но в большинстве своем не знают соответствующих требований цифровой этики и биоэтики, взаимодействующих с правом.

Отсутствие социальной сплоченности, а также солидарной ответственности государств перед человечеством в сфере использования передовых цифро- и биотехнологий является вопросом, требующим консолидации усилий при его решении со стороны международного сообщества и государств. К сожалению, такая консолидация остается перспективной, а не реальностью. Односторонние прорывы в технологиях со стороны узких исследовательских структур отдельных государств, нарушающие одновременно нормы этики и права, свидетельствуют о серьезных проблемах противо-

стояния гуманизма с трансгуманизмом, о кризисе управляемости данными процессами, влияющими на судьбу человечества. В частности, заявление профессора Шэньчжэньского университета Хэ Цзянькуй из Китая о том, что ему впервые удалось создать генетически модифицированных детей, произошло в условиях существования запретов на международном уровне относительно редактирования генов. По его словам, девочки-близнецы Лулу и Нана, благодаря вмешательству генетиков, обладают врожденным иммунитетом к заражению ВИЧ². На следующий день после выступлений профессора Хэ Цзянькуй китайские власти, ученые и медики официально заявили, что не имеют никакого отношения к скандальному эксперименту по рождению генетически модифицированных детей. Научное сообщество Китая опубликовало открытое письмо, категорически осуждающее его работу³.

В новом столетии отрасли права нового поколения, возникающие на стадии формирования системных элементов права выживания и права развития, призваны служить главным импульсом прогрессивной эволюции права, запросом развития является расширение влияния на них этических требований при сохранении значимости измерения баланса публичных и частных интересов, соразмерности учета различных конституционных ценностей и целей.

Заключение

Тенденции трансформации современного права под влиянием нового этапа научно-технического прогресса свидетельствуют о значительном изменении

системы права, ее одновременной глобализации и дифференциации, приводящей к развитию мега- и микроэлементов, к формированию новых комплексных отраслей права, в разной степени сочетающих интересы публичного и частного права, расширяющих значимость правовых технологий и функционально-инструментальных функций права. Высшая форма эволюции комплексных отраслей права – отрасли права нового поколения, определяющие траекторию решения цивилизационных проблем выживания и развития. Среди данных отраслей права особо выделяются те отрасли, содержание которых под воздействием научно-технологических достижений требует этической обусловленности. В частности, общие этико-правовые проблемы влияния цифровых и биоинженерных технологий на развитие права выходят на глубинные аспекты гуманистической сущности человеческой цивилизации, заставляют осуществить новое прочтение правовых принципов и норм для сохранения их исходного естественно-правового содержания и базисного социального предназначения.

Список литературы

Азми Д.А. (2016). Тенденции развития системы права и системы законодательства в Российской Федерации // Адвокат. № 10. С. 9–16.

Алфёрова Е.В. (ред.) (2020). Государство и право в новой информационной реальности: монография. М.: ИНИОН РАН.

Ашмарина Е.М., Ручкина Г.Ф. (2012). Экономическое право Российской Федерации (предмет и метод, система и

2 Воронин Н. (2018). Китайский профессор объявил о рождении генетически модифицированных детей. Ученые в гневе // News BBS. Русская служба. 26 ноября 2018 // <https://www.bbc.com/russian/features-46347487>, дата обращения 25.05.2021.

3 Воронин Н. (2018). «Это безумие»: от китайского профессора-генетика открылись клиника, университет и коллеги // BBC. Русская служба. 27 ноября 2018 // <https://www.bbc.com/russian/news-46360329>, дата обращения 25.05.2021.

структура, источники правового регулирования) // Государство и право. № 8. С. 57–65 // <https://arxiv.gaugn.ru/s1026-94520000617-6-1-ru-362/?reader=Y>, дата обращения 25.05.2021.

Бобылев А.И. (2010). Функции государства: понятие, классификация, общая характеристика // Право и государство: теория и практика. № 3(63). С. 11–18 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13609865_90760171.pdf, дата обращения 25.05.2021.

Власенко Н.А., Чернышева Т.В. (2012). Примирение и право // Журнал российского права. № 7. С. 91–105 // <https://cyberleninka.ru/article/n/primirenie-i-pravo/viewer>, дата обращения 25.05.2021.

Дорская А.А. (2019). Проблема цифровизации правовой сферы: основные направления исследований // Пашенцев Д.А., Залоило М.В. (ред.) Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. М.: ИНФРА-М. С. 18–27.

Зорькин В.Д. (2020). Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. № 6. С. 7–19. DOI: 10.31857/S013207690009932-7

Козырин А.Н., Трошкина Т.Н. (2016). Нормы образовательного права // Публично-правовые исследования. № 4. С. 19–57.

Рейхер В.К. (1947). Общественно-исторические типы страхования. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Ситдикова Л.Б., Шиловская А.Л. (2017). К вопросу о развитии института примирения в отраслях права России // Российский судья. № 11. С. 10–15.

Спирин И.В. (2006). Концепция транспортного права и проблемы его совершенствования // Транспортная доктрина России в XXI веке. М.: Транспорт.

Стародубцева И.А. (2016). Конституционные основы формирования коллизионного права как комплексной отрасли // Конституционное и муниципальное право. № 6. С. 11–15 // [https://wiselawyer.ru/poleznoe/91055-konstitucionnye-osnovy-](https://wiselawyer.ru/poleznoe/91055-konstitucionnye-osnovy-formirovaniya-kollizionnogo-prava-komp)

formirovaniya-kollizionnogo-prava-kompleksnoj-otrasli, дата обращения 25.05.2021.

Старостин С.А. (2017). Административный процесс как отрасль публично-го права // Административное право и процесс. № 4. С. 13–21.

Талапина Э.В. (2018). Право и цифровизация: новые подходы и перспективы // Журнал российского права. № 2(254). С. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1

Теория государства и права: учебник (2012). М.: Проспект.

Тихомиров Ю.А. (2000). Коллизионное право: учебное и научно-практические пособие. М.: Юриформцентр.

Умнова И.А. (2011). Право мира. М.: ЭКСМО.

Умнова И.А. (2013). Тенденции и перспективы развития правовых систем в условиях глобализации права // Фролова Н.А. (ред.) Российское законодательство: тенденции и перспективы. М.: Орбита-М. С. 77–97.

Умнова (Конюхова) И.А. (2016). Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М.: РГУП.

Умнова (Конюхова) И.А. (2017). Современные процессы конвергенции конституционного права и международного публичного права: тенденции, формы проявления и пределы // Варламова Н.В., Васильева Т.А. (ред.) Интернационализация конституционного права: современные тенденции. М.: ИГП РАН. С. 37–45.

Умнова-Конюхова И.А. (2018). Конституция Российской Федерации 1993 года: оценка конституционного идеала и его реализации сквозь призму мирового опыта // Lex Russica. № 11. С. 23–39. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.023-039

Умнова-Конюхова И.А. (2021). Конституционная футурология и конституционная футуристика в контексте глобальных перемен // Государство и право. № 5. С. 81–93. DOI: 10.31857/S102694520014855-1

Хабриева Т.Я. (2018). Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. № 9. С. 5–16 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35574910_40713326.pdf, дата обращения 25.05.2021.

Юнусов Ф.А. (2009). Защита социальных прав граждан социальными судами Германии // Конституция, закон и социальная сфера общества. Материалы научно-практической конференции. 1 декабря 2008. М.: ИЗиСП. С. 230–234.

Ashcroft R.E. (2010). Could Human Rights Supersede Bioethics? // *Human Rights Law Review*, vol. 10, no 4, pp. 639–660. DOI:10.1093/hrlr/ngq037

Ashcroft R.E. (2018). Law and the Perils of Philosophical Grafts // *Journal of Medical Ethics*, vol. 44, no 1, pp. 73–74. DOI: 10.1136/medethics-2017-104319

Berman P. (2012). *Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law beyond Borders*, Cambridge University Press.

Evans J.H. (2012). *The History and Future of Bioethics: A Sociological View*, Oxford: OUC.

Galan A., Patterson D. (2013). The Limits of Normative Legal Pluralism // *International Journal of Constitutional Law*, vol. 11, no 3, pp. 783–800. DOI: 10.2139/ssrn.2341617

Joas H. (2013). *The Sacredness of the Person: A New Genealogy of Human Rights*, Washington, D.C.: Georgetown University Press.

Miller S., Selgelid M.J. (2007). Ethical and Philosophical Consideration of the Dual-use Dilemma in the Biological Sciences // *Science and Engineering Ethics*, vol. 13, no 4, pp. 523–580. DOI: 10.1007/s11948-007-9043-4

Nordberg A., Minssen T., Holm S., Horst M., Mortensen K., Møller B.L. (2018). Cutting Edges and Weaving Threads in the Gene Editing (Я) evolution: Reconciling Scientific Progress with Legal, Ethical, and Social Concerns // *Journal of Law and the Biosciences*, vol. 5, no 1, pp. 35–83. DOI: 10.1093/jlb/lxx043

Robertson R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*, London: Newbury Park, Calif.: Sage Publications.

Rogers A., de Bousingen D.D. (1995). *Bioethics in Europe*, Council of Europe Press.

Roughan N. (2013). *Authorities: Conflicts, Cooperation and Transnational Legal Theory*, Oxford: Oxford University Press.

Zehr H. (1990). *Changing Lenses. A New Focus for Crime and Justice*, Scottsdale, PA: Herald Press.

Law and Politics

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-3

Trends in the Transformation of Modern Law under the Influence of a New Stage of Scientific and Technological Progress

Irina A. UMNOVA-KONIUKHOVA

DSc in Law, Professor, Senior Researcher, Department of Law
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation;
Professor, Director, Constitutional Law Studies, Center of Justice Research
Russian State University of Justice (RSUJ), 117418, Novochemyomushkinskaya St., 69, Moscow, Russian Federation;
Professor, Land Law and Environmental Law Department, Legal Institute
RUDN University, 117198, Miklukho-Maklaj St., 6, Moscow, Russian Federation;
Professor, Constitutional and Administrative Law, Legal Institute
Sevastopol State University, 299053, Universitetskaya St., 33, Sevastopol, Russian Federation;
E-mail: ikonyukhova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6400-851X

CITATION: Umnova-Koniukhova I.A. (2021). Trends in the Transformation of Modern Law under the Influence of a New Stage of Scientific and Technological Progress. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 40–57 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-3

Received: 26.04.2020.

ABSTRACT. *The article examines the trends of transformation of modern law under the influence of a technological breakthrough as a new stage of scientific and technological progress. The general trends of globalization and differentiation of law are highlighted, and the consequences of these trends, expressed in the growth of the number of complex branches of law that combine public and private interests, are considered. For the purpose of systematization, three main forms of globalization in law are identified: universalization, internationalization and integration. The analysis of the evolution of the legal system in the historical dimension allows to distinguish three stages*

of differentiation of modern law. At the first stage of the differentiation of law in the XX century, it was mainly expressed in the fragmentation of traditional branches of law. The second stage of the differentiation of law at the turn of the XX and XXI centuries is characterized by the intensive formation of complex mixed branches of law that join the institutions of public and private law for certain purposes of legal regulation. At the third, modern stage at the junction of the first and second decades of the XXI century. under the influence of scientific and technological progress, there is not only a further diversification and integration of traditional and new complex branches

of law, but also a group of functional and instrumental branches of law. These branches of auxiliary law (due to its functional significance) determine the socio-legal technologies of regulation, implementation and development of law (for example, collision law, mediation law, digital law).

The author puts forward the concept and reveals the system of branches of law of the new generation as the highest form of evolution of complex branches of law, justifies their special nature and significance in the system of law. The author also systematizes the branches of law of the new generation, taking into account the degree of their development in legal doctrine and law practice.

Special attention is paid to digital law and bio-law, which most clearly indicate the impact of scientific and technological progress on law, as well as exposing the problem of the need for closer interaction of the principles and norms of law and ethics.

KEYWORDS: modern law, transformation, scientific and technological progress, trends in the development of law, globalization of law, differentiation of law, branches of law of a new generation, digital law, biopravo, ethics.

References

- Alferova E.V. (ed.) (2020). *State and Law in the New Information Reality: Monograph*, Moscow: INION RAS (in Russian).
- Ashcroft R.E. (2010). Could Human Rights Supersede Bioethics? *Human Rights Law Review*, vol. 10, no 4, pp. 639–660. DOI:10.1093/hrlr/ngq037
- Ashcroft R.E. (2018). Law and the Perils of Philosophical Grafts. *Journal of Medical Ethics*, vol. 44, no 1, pp. 73–74. DOI: 10.1136/medethics-2017-104319
- Ashmarina E.M., Ruchkina G.F. (2012). Economic Law of the Russian Federation (Subject and Method, System and Structure, Sources of Legal Regulation). *State and Law*, no 8, pp. 57–65. Available at: <https://arxiv.gaugn.ru/s1026-94520000617-6-1-ru-362/?reader=Y>, accessed 25.05.2021 (in Russian).
- Azmi D.A. (2016). Trends in the Development of the System of Law and the System of Legislation in the Russian Federation. *Lawyer*, no 10, pp. 9–16 (in Russian).
- Berman P. (2012). *Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law beyond Borders*, Cambridge University Press.
- Bobylev A.I. (2010). Functions of the State: Concept, Classification, General Characteristics. *Law and the State: Theory and Practice*, no 3(63), pp. 11–18. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13609865_90760171.pdf, accessed 25.05.2021 (in Russian).
- Dorskaya A.A. (2019). The Problem of Digitalization of the Legal Sphere: The Main Directions of Research. *Transformation of Legal Reality in the Digital Age* (eds. Pashentsev D.A., Zaloilo M.V.), Moscow: INFRA-M, pp. 18–27 (in Russian).
- Evans J.H. (2012). *The History and Future of Bioethics: A Sociological View*, Oxford: OUC.
- Galan A., Patterson D. (2013). The Limits of Normative Legal Pluralism. *International Journal of Constitutional Law*, vol. 11, no 3, pp. 783–800. DOI: 10.2139/ssrn.2341617
- Joas H. (2013). *The Sacredness of the Person: A New Genealogy of Human Rights*, Washington, D.C.: Georgetown University Press.
- Khabrieva T.Ya. (2018). Right Facing the Challenges of the Digital Environment. *Journal of Russian Law*, no 9, pp. 5–16. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35574910_40713326.pdf, accessed 25.05.2021 (in Russian).
- Kozyrin A.N., Troshkina T.N. (2016). Norms of Educational Law. *Public Law Research*, no 4, pp. 19–57 (in Russian).
- Miller S., Selgelid M.J. (2007). Ethical and Philosophical Consideration of the Dual-use Dilemma in the Biological

Sciences. *Science and Engineering Ethics*, vol. 13, no 4, pp. 523–580. DOI: 10.1007/s11948-007-9043-4

Nordberg A., Minssen T., Holm S., Horst M., Mortensen K., Møller B.L. (2018). Cutting Edges and Weaving Threads in the Gene Editing (Я) evolution: Reconciling Scientific Progress with Legal, Ethical, and Social Concerns. *Journal of Law and the Biosciences*, vol. 5, no 1, pp. 35–83. DOI: 10.1093/jlb/lsx043

Reicher V.K. (1947). *Socio-historical Types of Insurance*, Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Robertson R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*, London: Newbury Park, Calif.: Sage Publications.

Rogers A., de Bousingen D.D. (1995). *Bioethics in Europe*, Council of Europe Press.

Roughan N. (2013). *Authorities: Conflicts, Cooperation and Transnational Legal Theory*, Oxford: Oxford University Press.

Sitdikova L.B., Shilovskaya A.L. (2017). On the Development of the Institute of Reconciliation in the Branches of Russian Law. *Russian Judge*, no 11, pp. 10–15 (in Russian).

Spirin I.V. (2006). The Concept of Transport Law and Problems of Its Improvement. *Transport Doctrine of Russia in the XXI century*, Moscow: Tranport (in Russian).

Starodubtseva I.A. (2016). Constitutional Foundations of the Formation of Conflict of Laws as a Complex Branch. *Constitutional and Municipal Law*, no 6, pp. 11–15. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/91055-konstitucionnye-osnovy-formirovaniya-kollizionnogo-prava-kompleksnoj-otrasli>, accessed 25.05.2021 (in Russian).

Starostin S.A. (2017). Administrative Process as a Branch of Public Law. *Administrative Law and Process*, no 4, pp. 13–21 (in Russian).

Talapina E.V. (2018). Law and Digitalization: New Approaches and Prospects. *Journal of Russian Law*, no 2(254), pp. 5–17 (in Russian). DOI: 10.12737/art_2018_2_1
Theory of State and Law: textbook (2012), Moscow: Prospekt (in Russian).

Tikhomirov Yu.A. (2000). *Conflict of Laws: Educational and Scientific-practical Manual*, Moscow: Yurinformtsentr (in Russian).

Umnova I.A. (2011). *Law for Peace*, Moscow: EKSMO (in Russian).

Umnova I.A. (2013). Trends and Prospects for the Development of Legal Systems in the Context of the Globalization of Law. *Russian Legislation: Trends and Prospects* (ed. Frolova N.A.), Moscow: Orbita-M., pp. 77–97 (in Russian).

Umnova (Koniukhova) I.A. (2016). *Constitutional Law and International Public Law: Theory and Practice of Interaction*, Moscow: RSUP (in Russian).

Umnova (Koniukhova) I.A. (2017). Modern Processes of Convergence of Constitutional Law and International Public Law: Trends, Forms of Manifestation and Limits. *Internationalization of Constitutional Law: Modern Trends* (eds. Varlamova N.V., Vasilyeva T.A.), Moscow: IGP RAS, pp. 37–45 (in Russian).

Umnova-Koniukhova I.A. (2018). The Constitution of the Russian Federation of 1993: Assessment of the Constitutional Ideal and Its Implementation through the Prism of World Experience. *Lex Russica*, no 11, pp. 23–39 (in Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.023-039

Umnova-Konyukhova I.A. (2021). Constitutional Futurology and Constitutional Futuristics in the Context of Global Changes. *State and Law*, no 5, pp. 81–93 (in Russian). DOI: 10.31857/S102694520014855-1

Vlasenko N.A., Chernysheva T.V. (2012). Reconciliation and Law. *Journal of Russian Law*, no 7, pp. 91–105. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primirenie-i-pravo/viewer>, accessed 25.05.2021 (in Russian).

Yunusov A.F. (2009). Protection of Social Rights of Citizens of the Social Courts of Germany. *The Constitution, the Law and Social Services Society. Proceedings of the Scientific-Practical Conference*. 1 December 2008, Moscow: SISF, pp. 230–234 (in Russian).

Zehr H. (1990). *Changing Lenses. A New Focus for Crime and Justice*, Scottsdale, PA: Herald Press.

Zorkin V.D. (2020). Providentia or on the Law of the Future in the Era of Digitalization. *State and Law*, no 6, pp. 7–19 (in Russian). DOI: 10.31857/S013207690009932-7